

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

ПАРТИЗАН ЛЕЙБУ

ВМЕСТО ПРОЛОГА (ОТ АВТОРА)

Уважаемые читатели! Предлагаю всем, возможно далеко не актуальную сегодня, документально подтвержденную и в то же время свободно изложенную тему второй мировой войны 1941—1945 годов, пропущенную через судьбу всего лишь одного конкретного человека. Может быть и не надо было сегодня ворошить неприятное прошлое, беречь за много лет зарубцевавшиеся раны тех, чья судьба так или иначе исковеркана той войной, но я не мог, да и не имел права не довести эту историю до живущих ныне людей, а вероятно и потомков, которые придут нам на смену.

В судьбе человека,, о котором мой рассказ, как в точке пересечения, сошлись серьезные жизненные проблемы, многие из которых продолжают быть еще более актуальными, чем в

те далекие военные времена. Нацизм и национализм, необъяснимая жестокость и пренебрежение к людям, героизм и предательство, порядочная семейственность и верность долгу, забота и помощь, страдания и гражданский порыв, честность и гордость за свой народ, государственность и стабильность убеждений, этика бытия — это не просто лозунговый набор высоких и низких понятий, это как раз то, с чем вы, уважаемые читатели, познакомитесь в этой книге.

Героем повести является обыкновенный простой человек, реально проживавший более сорока лет из своих восьмидесяти двух в нашем городе Тирасполе вместе с женой, детьми и внуками.

Около двадцати лет мне довелось общаться с этим обычным-необычным человеком по совместной работе и вне ее. Потому то, что изложено в книге, абсолютно достоверно даже по той простой причине, что сотни людей, знавших моего героя, живут и здравствуют в настоящее время.

Разговор пойдет о Тобиасе Лейбу — скромном,

без особых внешних отличий и примет человеку. Наверняка частицы чистых от природы душ, подобных его душе, поднимаясь на небо над нами, делают его таким удивительно светлым и красивым.

На примере его природа еще раз показала, что человек рождается на свет Человеком, а уже потом становится русским, евреем, молдаванином и так далее, в зависимости от условий и обстоятельств его воспитания. А жизнь, опять же на примере его, показала, что не только судьба играет человеком, но и часто человек играет судьбой, сознательно или бессознательно выбирая стратегическую линию своей жизни.

Да, он был евреем. Из приличной семьи с глубокими жизненными корнями. Родился и вырос в Румынии. Да, он был необычным евреем, имел русые волосы, голубые глаза и в силу объективных причин не знал еврейского языка. Да, при двух старших братьях, убежденных сионистах, он с юных лет стал румынским комсомольцем, горел

желанием перебраться в страну социалистических идеалов — Советский Союз, и ему это удалось. Он действительно пересек границу СССР с поддельными документами, правда в самый неподходящий для переселения момент как для него лично, так и для всей его нации, именно тогда, когда гитлеровцы вероломно напали на СССР.

До самого конца своей жизни Тобиас Лейбу всегда поступал так, как подсказывала ему совесть, причем всегда оставаясь при этом достойным представителем своей нации. Поразительно, но ему никто и никогда не верил, что он еврей — ни немцы, ни румыны, да и русские тоже. А он, молодой парень, с первых дней пребывания в новой для себя стране, не зная языка, обычаев и нравов, сразу попав в горнило ужасной войны, называл себя евреем, хотя мог бы, подстраиваясь под обстоятельства, называться румыном, французом или даже немцем, языками которых он владел в совершенстве. Что такое быть евреем в первые дни войны, знают только жившие в то время евреи!

Образно говоря, Тобиас, перебравшись в СССР, не имея за собой никого и ничего, после нападения Германии на Союз, почти год воевал с фашистами в одиночку. С позорной «звездой Давида» на груди, он кочевал из одного концлагеря в другой, был неисправимым беглецом, за что подвергался многократным побоям и издевательствам. И только попав в партизанское братство, почувствовав за спиной великую, ставшую до конца жизни его второй родиной страну, доброту и отзывчивость окружающих его людей разных национальностей, он по-настоящему раскрылся и как человек, и как воин-работяга.

С тяжелейшими ранениями в голову он после окончания партизанской эпопеи не искал себе места потеплее, хотя и имел на это право, а всеми правдами и неправдами опять прорвался на фронт и закончил войну в Берлине. Он и после Победы, работая почти до семидесятипятилетнего возраста, оставался все тем же партизаном, воюющим за порядок и за порядочность в отношениях между

людьми. Такие люди иногда кажутся даже странными, а в настоящее время для отдельных личностей и опасными, так как они ничего и никому не должны, ни с каким злом не связаны, а значит, никого не боятся. А он был таким, таким и остался в памяти всех, кто его знал..

В последние десятилетия все чаще поднимаются вопросы национальных, религиозных и связанных с ними отношений. Лично я — гражданин России, русский с украинскими корнями (а таких в России не меньше половины по той простой причине, что расселение Руси шло не с севера и востока к Киеву, а наоборот) с высоты возраста могу с уверенностью сказать, что на всей огромной территории бывшей России, затем Советского Союза, да и в настоящее время, вопросы национальной принадлежности людей на основном, первично-бытовом уровне по большому счету практически не возникали. Чаще всего они провоцировались и подогревались людьми заинтересованными, то есть теми, кто свою некомпетентность, никчемность или

ничтожность прикрывали якобы национальным притеснением. Особенно ярко это проявилось в предразвалыйный период Советского Союза и в первые постсоветские годы, хотя в отдельных суверенных теперь государствах это практикуется и в настоящее время.

Причем, чем беднее страна, тем легче всколыхнуть народ национализмом, отвлечь его от насущных проблем и сформировать образ врага. Способ проверенный. Упор обычно делается на молодежь. Гораздо легче побрить затылок, надеть кованные ботинки, ходить и безнаказанно орать: «Россия для русских», «Молдавия для румын», «Украина для украинцев», чем работать на заводе, в поле или учиться. Когда-нибудь выяснится, что их действия финансируются кем-то из-за рубежа, то есть теми силами, которых заботит далеко не чистота расы, а дестабилизация обстановки в той или иной стране и решение своих личных проблем.

Этой повестью я еще раз хочу всем нам напомнить, что мы все равны перед Богом и За

коном, все без исключения. Хотим мы того или нет, нам придется жить вместе, независимо от национальности, и всем работать на благополучие своей страны¹, внося свою лепту, каждый по возможностям и по способностям.

Более чем стыдно слышать от некоторых сограждан-славян заявления типа: «В России ни одного русского министра» или «на телевидении (радио), ведущей прессе все люди одной национальности» и т.п. Стыдно потому, что на одного еврея в той же России приходится человек сто пятьдесят русских. Кто же нам мешал все эти годы демократическим путем попасть во властные структуры? Или мы сперва за стакан вина или рюмку водки, кулек макарон или плохонькое радио в подарок голосуем за кого угодно, а потом кричим, что все посты в государстве остались без русских...

Стыдно, господа-товарищи, и давно пришла пора отбросить все нам мешающее, тем более выяснения, кто более матери — истории ценен. Все мы — дети России и все ей ценны.

Мы обречены жить вместе. И русские, и евреи, украинцы и татары, аварцы и чукчи, и все полторы сотни национальностей, проживающих в России, объединенные одной российской идеей. Другого пути у нас нет и теперь уже не будет. А в качестве положительного жизненного примера предлагаю повесть о настоящем Человеке.

ВАСИЛИЙ Гурковский,
член Союза писателей России

ГЛАВА 1.

ТРИНАДЦАТЫЙ

«Тринадцатый, тринадцатый, где тринадцатый?!», — кричал старший конвоир, молодой немецкий унтер-офицер, бегая вокруг строя и в который раз пересчитывая вверенных ему арестантов. Двенадцать были в наличии, одного не было. Весь день группа работала на территории бывшего лесопильного завода, подбирая пригодные пиломатериалы для обустройства расположенного неподалеку концентрационного лагеря для лиц еврейской национальности, военнопленных и партизан.

Весь день все тринадцать арестантов находились на глазах охранников, но вечером при построении для возвращения в лагерь одного не оказалось.

На крики старшего команды никто не откликнулся. Тогда он положил группу на землю,

оставил над лежащими двух солдат-охранников и в сопровождении местного старосты отправился на поиски беглеца. Немец понимал, что через час-полтора стемнеет и поиски будут бесполезными.

Беглец находился рядом. Он спрятался в большом деревянном, почти разрушенном за-водском туалете. Песчаные стены ямы давно осыпались, сама, она была беспорядочно завалена старыми досками. Наполовину зарывшись в песок, прикрываясь обломками досок, беглец надеялся дожждаться темноты, а там видно будет. Он слышал, как бесновался старший охранник, как звали его товарищи по лагерю, которым грозило наказание за его побег, но молчал.

Тело его непроизвольно вдавливалось в песок, пытаясь раствориться в нем, стать невидимым хотя бы на время. Он знал, что его ждет, если будет обнаружен, и все-таки на что-то надеялся.

Не вышло. Его нашел сын старосты, настырный такой, небольшой парнишка, весь день крутившийся возле арестантов, все выслушивая и

вынюхивая. Он пролез в небольшую дыру, куда взрослому не пролезть, увидел беглеца и закричал: «Пан, а вось ён, вось ён, в нужнику ховаеця».

Подбежал староста, за ним старший охранник. С криком: «Фарфлюхте швайне», он сорвал с плеча винтовку и начал стрелять в яму. Крики и выстрелы продолжались до тех пор, пока в обойме не закончились патроны. Отдав винтовку старосте, унтер-офицер пошел искать чем вытащить беглеца из ямы. Действовал он больше на устрашение публики, так как, стреляя почти в упор, ни разу не попал в беглеца. Не попал не из жалости или по каким-либо другим гуманным соображениям, просто тащить мертвого или раненного его несколько километров до лагеря ночью было нежелательным.

Он подбежал к перекошенному пожарному щиту, на котором ничего не было, кроме ржавого пожарного багра, схватил его и начал тыкать им в яму. Багор сразу зацепился, как выяснилось позже, за воротник домотканной куртки, так что немец с

помощью старосты довольно быстро и без особых травм вытащил беглеца наружу.

Затем приволокли его к поднятому строю арестантов и били. Сперва ногами и прикладами, потом старший охраны взял винтовочный шомпол и долго колотил им по голове и спине.

В связи с наступающей темнотой экзекуцию пришлось приостановить. Беглеца поставили в строй замыкающим, сзади него шел сам старший охранник и по поводу и без повода подталкивал его прикладом. Пока пришли — стемнело.

Лагерь размещался на небольшом возвышении, недалеко от моста через реку Припять. Вокруг — пойма реки, болотистое место. Два сколоченных наспех барака, бывшие летние войсковые казармы, да невдалеке два деревянных дома, для комендатуры и подсобных помещений (кухня, лазарет и т.п.). В середине, как обычно, плац для построения. В его центре несколько корявых низкорослых деревьев — одно было приспособлено под виселицу, а другие, очищенные от коры,

служили местом наказания для нарушителей
лагерных порядков.

К приходу группы из лесопильного завода арестанты были построены в две шеренги. Три больших костра, два по краям строя и один в центре, освещали территорию. Перед строем стоял комендант лагеря со своей свитой. Позади них, к двум очищенным от коры деревьям, были привязаны: лицом к стволу двое полуживых арестантов. Они пытались бежать вчера,, дошли до первой деревни, но уже утром были доставлены: на повозке местным старостой обратно в лагерь.

Их раздели, привязали к деревьям, весь день с перерывами били и оставили привязанными до вечера, когда вернутся с работ все арестанты.

Задержав ужин, комендант заявил перед строем, что те двое, которых привязаны: к деревьям за его спиной, на рассвете будут расстреляны:.. Они третий раз пытались бежать и заслужили свою участь. И что он бы с удовольствием перестрелял их всех, но слишком много надо выполнить работ для армии, потому он заставит всех работать. За любой следующий побег — расстрел. После этого раздали свекольную похлебку и объявили отбой.

Старший группы, прибывшей с лесопильного завода, скорее всего доложил коменданту об инциденте с попыткой бегства, но или она была представлена как примитивная, или старший посчитал, что учиненная им экзекуция подействовала. Как бы то ни было, но в этот вечер никаких действий в отношении неудавшегося беглеца не последовало. Арестованных отправили в бараки.

К полуночи пошел сильный дождь. Тобиас прислушивался к его стуку по деревянной скатной крыше и вспоминал прошедший день. Сколько таких дней прошло через его жизнь с начала войны? И всегда его за что-то били, били и били. Он толком не знал, за что. Вот и сегодня тоже. И все же надо попытаться заснуть, а что будет завтра, кроме Бога никто не знал. Что-то будет и вряд ли оно будет хорошим.

Побитое тело гудело. Казалось по нему прошелся какой-то каток. Болело все. Когда его вытащили из ямы на лесозаводе и били ногами, он извивался, прятал голову, как мог смягчал удары, но от шомпола унтер-офицера защиты не было.

«Почему он не застрелил меня в туалетной яме? — недоумевал Тобиас. — Что ждет меня завтра?»

Раздумья метались в побитой голове, но потом все вытеснила вдруг откуда-то появившаяся всепоглощающая мысль: «Почему я здесь? Что от меня хотят эти немцы, румыны, полицаи? Что я им должен? И кто я вообще такой и что делаю в этой стране? Как я попал в такую жизнь? Что я такого сделал?»

Он родился в Румынии, в приличной еврейской семье знатного старинного рода. Предки Тобиаса носили фамилию Лейбу и довольно серьезно означили свое пребывание в этой стране. За определенные большие заслуги перед королевством, и до, и после образования румынского государства в середине девятнадцатого века, все члены семейства Лейбу специальной грамотой были «романизированы», то есть уравнины в

правах с румынами. В отличие от многих других румынских евреев, практически политически бесправных, Лейбу и их потомки имели право на владение землей, обучение в гимназиях, лицеях, университетах, на службу в армии, работу в государственных учреждениях, естественно, на занятие предпринимательской деятельностью. И что особенно важно, имели право быть похороненными на румынских кладбищах.

Предки Тобиаса Лейбу имели основные корни в селе Подурь Мойнештской волости уезда Бакэу. Их поместья кучковались в центре Подурь, где жили наиболее уважаемые селяне, включая представителей власти, духовенства и им подобных.

Менялись поколения, менялись времена и условия, корень Лейбу пускал семейные отростки, но во все времена, за предвоенные более чем сто лет, представители этой фамилии занимали свое достойное место и не только в уезде Бакэу. Они строили школы и синагоги, занимали высокие государственные посты. После крестьянских волнений 1907 года, затем после первой мировой

войны и, особенно, с приходом к власти фашистов в Германии, постепенно усложнились условия жизни еврейских общин и в Румынии. Наиболее влиятельные представители семейства Лейбу, используя свои связи в иностранных посольствах, особенно в английском, начали перебираться в Палестину. Часть уехала еще до первой мировой войны, часть в двадцатые-тридцатые годы.

Семья Тобиаса до войны (второй мировой) никуда не трогалась, жила своей жизнью, занимала достойное положение, хотя и не была, особенно богатой.

Отец — Леон, был представителем третьего поколения, того прославленного романизированного корня Лейбу. Он много лет работал лесничим в имении своего дяди — Абрама Лейбу, был достаточно образованным человеком, умелым организатором, строгим, но справедливым как к окружающим, так и к членам своей семьи.

Семья была большая — жена и шестеро детей. Дети боготворили мать, считая ее святой.

*На снимке: Семья Лейбу. 1934 год
(год смерти матери).*

*Стоят (слева направо): Дори, Яков, Исаак, Роза. Сидят
(слева направо): Марчег, отец, Тобиас.*

Она отдавала себя семье целиком, рано заболела и ушла из жизни, когда Тобиасу было двенадцать лет. Он был последним, шестым ребенком в семье и уход матери больнее всего отразился на нем, как младшем.

Возрастной разброс между детьми в семье был достаточно велик. Так, старший брат, Яков (Янку) был старше Тобиаса на шестнадцать лет. Он окончил еврейско-румынскую школу, гимназию, лицей в Бакэу и университет в Бухаресте. Стал известным адвокатом, затем много лет состоял членом королевского трибунала. Был активным общественным деятелем, главным редактором ведущих сионистских газет и журналов и, несмотря на активизацию фашизма в Румынии, сумел удержаться в Бухаресте. Он был убежденным сионистом, но всегда поддерживал связь со своей семьей и старался помогать родственникам в различных делах, особенно в вопросах выезда за рубеж. Второй брат — Исаак, окончил городскую школу в Мойнештах, несколько классов гимна

зии. Учиться в те времена в гимназии или лицее стоило довольно дорого, но учеба давала возможность сокращения срока, службы в армии. Как ни старались отец и старший брат, Исаака все-таки мобилизовали. Как он позже рассказывал, призвали его в артиллерийские войска, часть находилась в городе Галац и после первых дней знакомства с армейской жизнью он чуть не бросился в Дунай. Служить в румынской армии тех лет, с палочной дисциплиной, высокомерноснобистскими, в большинстве своем наследными и по этой причине недалекими офицерами, примитивном вооружении и обеспечении, было равносильно каторге. Исаак служил в артиллерии ездовым, тогда орудия (пушки) перевозились на волах, и когда бывал дома в увольнении, рассказывал много веселых, а больше невеселых историй, путая младших братьев перспективой армейской службы.

После демобилизации, Исаак одно время работал дантистом, а затем с помощью старшего брата занялся коммерцией и коммивояжерством. Женился, жил в Бухаресте. Политикой особо не интересовался, но тяготел к сионистским убеждениям.

После двух старших братьев родилась сестра Дори. Она окончила начальную школу в родном селе, несколько классов лицея и осталась дома. Раньше девочек далеко от дома не отпускали. Она была главной помощницей мамы. В 1937 году вышла замуж и уехала в Палестину.

После Дори была сестра Роза. Она тоже закончила начальную румынскую школу и находилась дома, помогая по хозяйству.

На два года старше Тобиаса был брат Марчел. Он окончил в городе еврейско-румынскую школу, затем в Бакэу — торговый лицей и вместе с Исааком занимался коммивояжерством.

Марчел, в отличие от старших братьев, симпатизировал коммунистам и к середине 1940 года нелегально перебрался в СССР. По слухам, он обосновался в г. Черновцы еще до присоединения Западной Буковины к СССР. Больше года вестей от него не было.

В 1922 году, в год рождения Тобиаса, отец построил в Подурь, в самом центре села, рядом с домом румынского священника, большой сорокапятиметровый дом. Высокий, красивый, удобный, окольцованный по всему периметру широким балконом, дом был построен под семью. В нем были и большая прихожая, куда выходили детские комнаты, кухня, комната родителей и «одая куратэ» (чистая комната) или подобие большого зала.

Семья Лейбу жила, дружно, при достатке. Держали землю, имели скот, лошадей верховых и ездовых. Никто в семье не пил и не курил. Строго соблюдали все еврейские обычаи. Синагоги в их селе не было, зато за несколько километров в г. Мойнешты их было три и все построены в разные времена предками Лейбу.

В одну из синагог, самую большую, каждую неделю и по праздникам ездила семья Тобиаса. После молитв гостили у родственников отца. Пищу, как правило, готовили дома, и брали с собой. На еврейскую Пасху снимали с чердака специальную кошерную посуду и готовили все, что

было положено к такому празднику.

Когда построили новый дом, то часто свадьбы родственников из Мойнешт проводились в селе. Так было выгодней по обеспечению, и места больше, чем в городских домах и квартирах.

Да и само прикарпатское село Подурь с примыкающими к нему вплотную селами Валя Шощий и Прохорешть было прекрасным местом не только для жизни и работы, но и отдыха. В селе и его окрестностях располагалось несколько поместий рода Лейбу. По мере возникновения революционных настроений и волнений окружающего их крестьянства, а затем постепенного выезда наиболее богатых еврейских семей в Палестину, такие имения, особенно вне сел, постепенно разрушались и растаскивались, но село Подурь оставалось красивым и привлекательным.

Семья Лейбу хорошо ладила с соседями. Основная масса их была румынами, рядом жил просвещенный настоятель главной церкви села с огромной *семьей* из 14 детей. У него в семье культивировались два языка — румынский и французский. Напротив дома Лейбу жила тоже

многодетная немецкая семья, поэтому Тобиас, с малых лет общаясь с соседскими детьми, свободно говорил и по-французски, и по-немецки. Тем более, что позже учил французский уже в школе и гимназии.

У шестого ребенка семьи Леона Лейбу, Тобиаса, было два парадокса, которые сыграют свою определенную, скорее всего негативную роль в его дальнейшей жизни. Первый — он был русоволосым с голубыми глазами, второй — он не знал еврейского языка, как не знали его и две сестры. В этом плане они были как внутрисемейными, так и просто «гоями».

Дело в том, что в романизированных еврейских семьях, как правило, в силу различных причин говорили по-румынски. Отец с матерью иногда общались между собой на идиш, но с детьми специально говорили по-румынски. Старшие три брата, которые учились в еврей

ско-румынских школах и гимназиях, знали еврейский, а две сестры и младший Тобиас в еврейской школе не учились.

Его с шести лет отдали в начальную румынскую школу в своем селе. Проучившись в ней четыре года, он год находился дома, пока в Мойнештах не открылась частная, опять же румынская гимназия. Отец выделил одиннадцатилетнему Тобиасу ездовую лошадь под седлом, и на ней он ездил в Мойнешты, в гимназию.

В гору и на ровном месте чувствовал себя в седле уверенно, а под гору часто падал. Дома он садился в седло с балкона, в городе на время занятий, оставлял лошадь у родственников, затем искал какое-либо возвышенное место, чтобы влезть на коня. Часто еврейские мальчишки Мойнешт дразнили и перекидывали маленького ездока, пугали лошадь. В ответ Тобиас гонялся верхом за ними и хлестал нагайкой. Малышня жаловалась на него родителям, но те знали чей он сын и оставляли жалобы без внимания.

Три года он отучился в гимназии. Когда ее закрыли, ходил в школу, затем поступил в Бакэу в лицей имени принца Фердинанда. Но на подходе был сороковой год. Евреев и гласно и негласно стали притеснять и в Румынии. И не только простых евреев, которые и раньше особых прав не имели, но и лояльных, «романизированных». Пришлось перейти на заочное отделение, нанять репетитора. В качестве репетитора попался довольно способный юноша-еврей, он занимался с Тобиасом по всем предметам программы лицея, в т.ч. по политэкономии. В Румынии тех лет шла чехарда с королями. В то же время набирали силу молодежные и взрослые организации фашистского толка и, как это ни было странным — марксистско-коммунистическое движение. Нанятый Тобиасу репетитор оказался членом союза коммунистической молодежи Румынии, был довольно грамотным и убедительным пропагандистом идей марксизма. Он за короткий срок втянул в комсомольскую организацию

молодого ученика. Тобиас активно включился, как он считал, в революционную борьбу угнетенных людей, участвовал в различных молодежных мероприятиях и довольно серьезно занимался над собой, изучая классиков марксизма. Из прессы он и его соратники уже знали о еврейских гетто и лагере смерти «Дахау» и об отношении фашистов к евреям вообще.

Еще тогда он решил для себя, что несмотря ни на какие лишения, будет бороться за права простых людей. Мечтал стать настоящим коммунистом и попасть в СССР. Тем более, что летом 1940 года часть территории Румынии — Бессарабия, вошла в состав Советского Союза.

В декабре 1940 года репетитора Тобиаса арестовали прямо в доме, страшно избили при родителях и отвезли в тюрьму.

Угроза ареста нависла над самим Тобиасом и его сподвижниками. Через Тыргу-Окна и Фокшаны он добрался до Бухареста. Но и там, несмотря на

возможности старшего брата, ему долго задерживаться было опасно. Брат помог ему найти на окраине Бухареста своего бывшего сокурсника по университету, работавшего частным нотариусом, еврея по национальности, который имел выдающиеся способности подделать любой документ, изготовить любую печать или штамп.

По договоренности между Советским Союзом и Румынией был разрешен переезд граждан обеих стран по месту их рождения.

По просьбе брата ловкий провинциальный нотариус выправил Тобиасу документ, подтверждающий, что он еврей, но родился в городе Флорешты, в Бессарабии, с августа 1940 года находящемся на территории вновь образованной Молдавской ССР. Документ давал право обратиться в соответствующие миграционные органы Румынии с просьбой разрешить выезд по месту рождения, т.е. в город Флорешты.

Старшие братья помогли с одеждой и продуктами. Переходными пунктами из Румынии в

СССР были определены станция Глубокая в Черновицкой области на севере и город-порт Галац на юге, стоящий на румынском берегу Дуная в связке с также портовым городом Рени, стоящем на советском берегу.

После многочисленных унижений и мытарств, избитый и полностью ограбленный румынскими полицейскими Тобиас вместе с довольно большой группой репатриантов или переселенцев попал на баржу для переправы через Дунай на советскую сторону.

Румыны три дня держали людей в открытом трюме баржи. Еды, воды не было, туалетов тоже. С подходивших катеров по баснословным ценам предлагали воду, еду, пиво, вымогая все, что у кого-то осталось ценного. Никакой врачебной помощи. Так в природе не поступали даже звери. В довершение ко всему баржу буксиром вытащили на середину Дуная и еще два часа держали людей под проливным декабрьским дождем со снегом. Несколько человек от отчаяния пытались прыгать в

ледяную воду, но этого не допустили стоявшие рядом люди.

Когда Тобиас спросил командира группы сопровождения, румынского полковника, по какому праву они так издеваются над людьми, тот позеленел от злости, выхватил пистолет, заорал бешеным голосом, но стрелять побоялся, так как недалеко, на советском берегу их уже ждали представители советских пограничных и других органов. Они все видели и слышали.

Когда баржа уже наконец-то была подтянута к пристани, переселенцы с радостью покинули эту временную тюрьму и высыпали на берег. Первое, что увидел Тобиас, был большой металлический щит, на котором красовались портреты высших советских руководителей: Сталин, Молотов и другие известные Тобиасу люди еще со времен занятий в подпольном комсомольском кружке. Катер с румынскими пограничниками и полицейскими стоял метрах в десяти от берега и готовился к отплытию. «Полковник, — крикнул Тобиас, —

слушай». Он пропел по-румынски один куплет партийного гимна «Интернационала» и добавил: «Жалко, что ты не остался на этом берегу, уже к вечеру кормил бы раков на дне Дуная. А через год я с Красной Армией буду в Бухаресте».

«Ты, жиденок недобитый, — заорал в ответ полковник, — скажи спасибо своему Богу, что я тебя не утопил за эти дни в реке. И запомни — это я через год приду к вам сюда, возьму тебя в плен, а потом узнаешь, что с тобой и такими как ты мы сделаем!»

К сожалению, он оказался прав. До сорок первого года оставалось совсем немного времени. И каким он будет, мало кто знал.

Вместе с Тобиасом на советскую сторону перешел и его двоюродный брат.

Так осуществилась долгое время вынашиваемая мечта румынского комсомольца Тобиаса Лейбу попасть в страну социализма — Советский Союз, где по его понятиям — все люди равны, независимо от национальности, вероисповедования,

образования и цвета кожи.

После регистрации Тобиас с двоюродным братом попросили разрешения выехать в город Бендеры. Там они нашли каких-то знакомых, от которых узнали, что брат Марчел и еще несколько их земляков вроде бы обосновались в г. Черновцы. Пришлось вдвоем двигаться туда.

В конце декабря 1940 года Тобиас прибыл в Черновцы и занялся поисками брата. Дома, в Подурь, у него оставались только отец и младшая из сестер. Конечно, Тобиас переживал за них. Отец после смерти матери как-то сразу постарел, стал еще более молчаливым и замкнутым, часто молился. Основная тяжесть забот по их немалому хозяйству легла на плечи сестры.

При всем этом они все-таки были на месте, в родном доме. Два сионистски настроенные старших брата оставались в Бухаресте, двух меньших братьев, социалистов Марчела и Тобиаса, ждала встреча в Черновцах.

Черновцы были прекрасным городом бывшей Австро-Венгерской империи, и именно здесь, через несколько дней после приезда, в центральном магазине «Пассаж», с помощью знакомых, он увиделся с Марчелом, и с еще несколькими бывшими подпольщиками.

Встреча была более чем радостной. Повидаться с родными людьми и по крови, и по убеждениям в это жестокое время было поистине счастьем, тем более в социалистической стране. Верный данному себе обету Тобиас начал искать самую тяжелую работу, чтобы приносить больше пользы новому для себя обществу. Уже на второй день он пошел на железнодорожную станцию и устроился на работу грузчиком.

Был он небольшого роста, с маленькими руками, и явно не походил на классического грузчика, но это его не смущало. Там же работал брат. Жили они большой группой в каком-то сарае у двух хозяев-немцев, почему-то не уехавших в Германию при массовом выезде немцев в 1938-39 годах.

Проработав несколько месяцев на железной дороге, к весне устроились на фурнитурную фабрику, уже снимали квартиру в городе.

Шла весна 1941 года. Рядом была граница, там же стояли фашистские войска. Во всем чувствовался запах войны. Стало больше военных в городе, да и все разговоры вращались вокруг военной темы.

Тобиас с радостью и гордостью рассматривал висящие по городу красные флаги, звездочки на фуражках военных и огромную деревянную красную звезду — памятник в центре города. Он продолжал считать все советское святым.

Получил пятилетний паспорт, красный советский, где было указано, что он еврей, родился в г. Флорешты в Бессарабии, живет в городе Черновцы. Другим давали трехмесячные, годичные, трехгодичные, а ему, наверное как самому молодому, да еще комсомольцу, дали пятилетний. Некоторых переселенцев вообще отправляли в Сибирь, видимо было за что, а, может, и не было.

В общем все складывалось вроде бы неплохо, но

рано утром 22 июня к ним в комнату вбежал немец, хозяин квартиры с криком: «О майн готт, дойче-русише криг!» (Война!) Немецкие самолеты бомбили город. Фурнитурный завод, где трудились братья, проработал еще с неделю и остановился. Директор завода, выступая на митинге перед коллективом, заявил, что война скоро закончится и что наши, наверное, уже в Яссах.

Тобиас пошел в военкомат, попросился в армию. Не взяли. Маленький, только 18 лет, а главное — недавно прибыл из вражеской страны, да еще по-русски ни слова не знает. Тогда он сам ушел из города на восток. На мосту через реку Прут группа красноармейцев во главе с офицером (позже Тобиас по шпалам на петлице узнает, что тот был майором.) минировала мост и заодно охраняла его.

Офицер остановил Тобиаса, потребовал документы и спросил, куда он идет. Тобиас сказал то слово, которое знал по-русски: «Сибир».

«В Сибирь тебя если будет надо, то повезут, — сурово сказал майор, — а пока возвращайся обратно

в город. Не имеем мы права пропускать одиноких путешественников в военное время».

Тобиас пошел обратно в город, навстречу шли двое молодых людей. Они рассказали, что к городу с трех сторон подошли немцы, румыны: и венгры. Немцы: уже в городе. Евреи бегут, прячутся где кто может. Спросили, почему он не ушел за Прут. Тобиас объяснил. Ребята посоветовали назваться учителем, мол, идешь в ближайшую деревню к детям.

И действительно, когда он заявил на мосту, что он «учитель», майор внимательно посмотрел на него и сказал: «Да ладно, дуй в свою Сибир».

Отойдя от города километров 40-50, Тобиас вышел на шоссе, идущее к мосту через Днестр. Кого только не было на шоссе!? Военные, гражданские, старики, дети, машины, орудия, повозки. Он пристроился к одной из военных колонн, поз-накомился с солдатами, питался с ними, вместе переносил налеты: авиации, которые проходили по какой-то системе — самолеты прилетали волнами,

вбрасывали бомбы: на головы людей, «поливали» колонны из пулеметов. В такие минуты на шоссе было что-то адское. Во все стороны разлетались тела и части тел людей, лошадей, техники. Все гудело, кричало, трещало и горело.

Перед самым мостом через Днестр, Тобиас, лежа в водосточной канаве, насчитал колонну самолетов в 48 штук. Они безнаказанно отбомбились и поворачивали обратно.

В одну из пауз между бомбежками Тобиас вместе с толпами людей перешел Днестр. Никто не знал, куда дальше идти, где фронт и есть ли он вообще. Людские потоки разделялись, одни поворачивали в сторону Могилев-Подольского, другие шли прямо на восток, третьи — на север, кругом царили хаос и неразбериха. Тобиас прошел небольшой городок неподалеку от Каменец-Подольского, но при облаве был пойман оккупантами и помещен во временный еврейский лагерь. Там, к удивлению и счастью, встретил брата Марчела. Он тоже бежал из Черновцов.

Тобиас несколько раз пытался уйти из лагеря, его ловили и били, били нещадно, чаще всего по голове. Зимой заболел и умер в лагере Марчел, люди там вообще умирали десятками ежедневно. Тобиаса ничего больше не удерживало в лагере и он снова, в восьмой или девятый раз, бежал.

А так как языка он не знал, не знал людей, не знал местности, то при очередной облаве на рынке Каменец-Подольского был пойман и помещен в еврейский лагерь «Мертвая петля» у села Печора. Хозяйничали там румыны.

По обращению к заключенным они были хуже немцев, но очень «любили» деньги и кто имел возможность, мог откупиться от лагеря. Хотя в принципе это было бесполезно — от одних откупишься сегодня, другие поймают завтра. Идти все равно было некуда.

Из Печоры можно было бежать, но по большому счету это было действительно бесполезно. За время, проведенное в этом лагере, Тобиас понял, что не все румыны-охранники — звери, с другой стороны

видел, как некоторые евреи сотрудничали и предавали своих.

Когда Тобиас бежал в очередной раз, то направился окольными путями в Каменец-Подольский. Прятался в кустах, а когда вышел на дорогу, сзади бесшумно подкатил фаэтон на резиновом ходу. В нем сидел солидный немецкий офицер, на облучке — кучер. Тобиас опешил и только тогда вспомнил о том, что забыл сорвать с груди звездустигранник, еврейскую отметину.

Было поздно. Поравнявшись с беглецом, немец остановил фаэтон, приставил к груди Тобиаса пистолет и спросил: «Еврей? Бежал?» Тобиас кивнул утвердительно, успев при этом подумать: «Неужели мне придется лежать на дороге?»

Немец заставил его сесть в фаэтон и повез в Каменец-Подольский. По дороге они обогнали группу украинцев-волонтеров, попросту — лицаев. Подозвав старшего из них, он приказал взять Тобиаса и сдать в Каменец-Подольскую фельдкомендатуру, а сам поехал дальше.

Полицаи заявили, что чихали они на приказ немца и завезли Тобиаса к своему начальству в том же Каменец-Подольском. В кабинете, куда его привели, сидел человек в советской военной форме, без знаков отличия. Он, как оказалось, хорошо знал молдавский язык. Тобиас почемуто поверил ему и вкратце рассказал ему всю свою неудачную жизнь.

Тот все понял и тоже поверил. Потом спросил: «Чем я могу помочь?» Тобиас попросил, дайте мол, какую-нибудь бумагу, чтобы меня как зверя не ловили при облавах, я ведь ничего никому не сделал плохого, а меня и мне подобных ловят, арестовывают и бьют только за то, что мы евреи. И покажите куда идти.

Полицейский начальник сделал ему даже два документа — один, по-немецки (аусвайс), один — по-украински что-то виде справки и отпустил. Но правду говорят в народе, что бьют не по паспорту, а по морде. Километрах в 18 от Каменец-Подольского Тобиас попал в лагерь венгерских евреев. Красивые, здоровые, внешне крупные парни, просто стыдно

было за то, что их немцы взяли у себя на родине голыми руками.

Вообще первое время с еврейскими лагерями на Украине было попроще. Немецкое начальство приезжало, объявляло руководству общины условия и суммы денег, золота и т.п. Община сбрасывалась и временно откупалась. Так продолжалось до тех пор, пока у лагерников ценности не заканчивались. Тогда и порядки в лагерях устанавливали совсем другие.

У Тобиаса не было с собой никаких ценностей, кроме молодой его жизни и он ее отдавать просто так никому не собирался.

Весной 1942 года в городке Уринин во время облавы Тобиас перепрыгнул через какой-то забор, залез в большую стоящую рядом повозку и там притих. Но через несколько минут услышал немецкую речь и увидел наклоненные над ним две головы солдат. Бежать было бесполезно, да и как оказалось — незачем. Один из солдат оказался чехом, второй — австрияком. Оба ненавидели

фашистов. Они понимали, что оставаться Тобиасу одному в такой обстановке смерти подобно, все равно рано или поздно поймают. И решили ему помочь довольно простым способом.

Как раз в это время немцы формировали большой обоз для посылки на фронт. Перед наступлением на Сталинград и Кубань нужен был дополнительный гужевой транспорт. Лошадей и повозки собирали по оставшимся колхозам. Немцы: не стали уничтожать колхозы структурно, прекрасно понимая, что через них гораздо проще и оперативнее можно влиять на жизнь села,.

Собрав обоз, снабдили его небольшой охраной, ведь рейс предстоял по тылам, а ездовых на повозки набирали из гражданских лиц. Были среди них и евреи. Все-таки путь не близкий, времени пройдет немало, да и лучше быть ездовым в обозе, чем арестантом в лагере.

Ян Ружичка, так звали чеха, на которого вышел Тобиас, и австриец Мюллер помогли ему попасть в обоз ездовым. «Мы тебя подвезем прямо к фронту,

— сказал Тобиасу Ружичка, — а там сам посмотришь что делать».

Тобиас был вне себя от счастья. Самому ехать в сторону фронта, легально, ни от кого не прячась, о таком можно было только мечтать!

На подводе Тобиас проехал через всю Украину. Винница, Кировоград, Кривой Рог, Запорожье, Донбасс. А фронт уже и Донбасс прошел.

Доехали они без приключений, груза у них особого не было, так что времени ушло чуть больше полутора месяцев. Тобиас сдружился с чехом и австрийцем и время прошло незаметно. Однажды, когда до линии фронта остался один переход, Ружичка сказал: «Ты должен остаться здесь, ближе к фронту тебе нельзя. Видишь, на краю села сарай стоит колхозный, спрячься в нем на день-два, мы обоз сдадим, я приду к тебе и вместе постараемся пробраться к Красной Армии».

На том и расстались. Ружичка оставил немного еды. Тобиас осмотрел сарай. Стены из веток, обмазанных глиной, соломенная крыша. Он как

будто специально придуман для сжигания в нем чего-то живого, в том числе людей. Сколько еще таких сараев предстояло увидеть Тобиасу в недалеком будущем, где фашисты сжигали сотни людей, в том числе евреев, белорусов, русских!

Прошло два дня, Ружичка не появлялся, зато появились другие. На рассвете третьего дня немецкий конвой пригнал человек двести или более советских военнопленных, прямо с фронта. На следующий день пришли машины, всех пленных в том числе и Тобиаса, в них погрузили и повезли на запад.

Слишком хорошо не бывает долго, вместо фронта — опять лагерь. Разгрузили их в Днепропетровске, как позже оказалось, в бывшей тюрьме. И здесь Тобиас получил первый жизненный удар по его социалистическим идеалам. На фронте тюрьмы был крупно написан год ее постройки — 1935. «Как? — не верил своим глазам Тобиас. — В СССР строят тюрьмы? Вот и эту совсем недавно построили!» Это было действительно ударом и, как

оказалось позднее, не последним.

Из Днепропетровска пленных уже на поезде отправили в направлении Белоруссии. Ко- ростень, Овруг, потом Мозырь. Снова лагерь. Сборный: евреи, военнопленные, партизаны и сочувствующие им.

В лагере Тобиас подружился с одним молодым человеком, в принципе земляком, он был сыном раввина из румынского города Брэилэ. Высокий, симпатичный парень, звали его Авраам. Но он был слаб не столько физически, сколько волей. Он тоже, как и Тобиас, был комсомольцем и бежал в СССР. Действительно, неисповедимы пути Господни.

Тобиас как мог поддерживал его. Но однажды, когда они работали на ремонте моста через Припять, Авраам настолько ослаб, что не мог сам идти в лагерь. Тобиас взвалил его себе на плечи и понес, но подбежавший охранник, кстати, поляк по национальности, столкнул Авраама, с плеч Тобиаса, тут же у дороги заставил вырыть полуметровую яму и столкнул его туда живым. Тобиас судорожно

смотрел, как засыпают яму и как губы Авраама, перебирают падающую на лицо землю. «Надо бежать, надо бежать», — колотилось в груди.

...И вот сегодня группу Тобиаса направили на лесопильный завод, а убежать опять не удалось. Что будет завтра?

Что-то липкое и скользкое упало сверху на его лицо, пощупал — лягушка или мокрая мышь, дождь на улице. Сбросил и как бы очнулся: «Что со мною было? Спал я или забылся? Вся моя жизнь, как в немом кино, промелькнула перед глазами. А все-таки заснуть как-то надо. Каким бы крепким организм не был, надо поддерживать его, хотя бы отдыхом».

Еще с вечера старший конвоир по приходу в лагерь сказал Тобиасу, показывая на привязанных к деревьям, избитых до неузнаваемости арестантов: «Завтра твоя очередь, ты следующий». Утром Тобиас встал с трудом. Посеченная во многих местах голова представляла собой клубок засохшей крови, волос, кожи. Он не мог в таком состоянии

идти на работу и заявил об этом старшему. Тот начал кричать и толкаться, заставляя Тобиаса идти в строй для развода на работу. В это время мимо проходил пожилой майор, который руководил работами по ремонту моста. Он понял, в чем дело, подошел к Тобиасу, схватил его за шиворот и со словами: «Пойдем, я тебя вышечу, еврейская свинья», — потащил его за собой.

Тобиас во время работы как-то имел разговор с этим немцем. Майор узнал, что Тобиас бежал из Черновцов, и сказал, что он тоже из этого города, даже там родился, работал инженером на швейной фабрике «Зингер», а в 1939 году переехал в Германию. Он был офицером австро-венгерской армии еще в первую мировую войну, знал украинский и румынский языки и когда началась война с СССР, его призвали в армию, как инженера. Занимался он строительством и ремонтом мостов.

Когда он потащил Тобиаса за собой, тот сказал по-румынски: «Знаю я, как вы меня вылечите, сейчас под мост и пулю в затылок».

«Слушай, земляк, — тихо сказал по-немецки майор, — оставь свой цыганский язык, а сам беги отсюда. Беги, куда угодно, ночью, днем, беги на глазах у всех, пусть стреляют на ходу, но беги. За жизнь бороться надо, сынок. А твой охранник тебе теперь жить не даст».

Проходя мимо кухни, майор с ругательством толкнул его в какой-то узкий проход, который оказался входом в глубокий подвал. Там горела лампа, а несколько видимо местных женщин, перебирали и очищали овощи: капусту, свеклу — корм для арестантов. Они сразу оценили ситуацию и показали Тобиасу место, где можно спрятаться.

Раньше во многих сельских погребах делали так называемые «мины¹», или большие норы в стене для еще большего охлаждения отдельных видов продуктов.

Тобиас залез в нору и затих. Через несколько минут в погребе появился его старший охранник. Он спросил, где арестант. Женщины ответили, что его нет и не было. Немец начал кричать, обвинять

женщин в укрывательстве, грозил перевернуть все вверх дном и т.д., но когда все женщины с ножами в руках начали обступать его, он быстро ретировался из погреба, пообещав после работы разделить с ними.

Женщины накормили Тобиаса, чем-то промыли раны, дали немного продуктов, и перед обедом он вернулся в барак. На третий день пошел снова на работу. Охранник затаил злобу, но молчал. На четвертый день их группу послали разбирать старое здание, стоявшее недалеко от левого берега Припяти. Человек десять из-можденных евреев, несколько белорусов и тот самый охранник.

Зверьми не становятся, отдельные люди зверьми рождаются. Охранник до обеда сумел умертвить семерых человек из группы, самых слабых и больных, наверное, не без согласия коменданта лагеря.

Он заставлял нескольких арестантов поднять что-нибудь тяжелое, например, кусок или часть щитовой стены, затем загонял ее под какого-нибудь

еле стоящего бедолагу, вроде как для поддержки, а затем давал команду отпустить руки. Арестанты бросали груз, и он падал на того, кто был под ним. Слышно было, как трещали его кости и как скрипели зубы тех, кто это видел. Вдоволь наизмывавшись над людьми, охранник влез на штабель из различных стройдеталей, повесил винтовку рядом и заснул. Чего ему было бояться, лагерь совсем рядом, измученные люди не побегут днем, фронт аж на Волге.

Один из арестантов, из бывших партизан-белоруссов сказал: «Той, кто сьогодни не убежить, той тута и загинить». Тобиас посмотрел вокруг: солнце, жизнь идет, охранник спит. Да что нам еще надо!? Сказал: «Давайте заколем этого гада, и разбежимся». Все молчали. И тогда он решился. Просто взял и пошел по лугу. Трава высокая, но видно его было хорошо. Он шел и думал: «Пусть будет, что будет, пусть стреляют, хуже уже не будет». Отойдя метров пятьсот, увидел какой-то осушительный канал и, хотя не умел плавать, прыгнул в него. Воды, правда,

в канале было по пояс и он пошел по нему в сторону от Припяти. Канал дальше соединялся с другим каналом, потом еще и еще. Тобиас ускорял ход, несмотря на то, что ноги глубоко увязали в донной грязи, а вода была холодной.

Главное было выйти из пойменного луга и добраться до видневшейся небольшой рощи. К вечеру он до нее добрался, углубился метров на десять, нашел какую-то гнилую березу, лежащую поперек пути, взобрался на нее, поудобнее устроился и заснул.

Проснулся на рассвете, легкий туман, сыро, зябко. Недалеко виднелась просека, по ней и пошел. Запахло дымом, может деревня какая близко? Опасно заходить, но выхода другого нет. Действительно, вскоре показались контуры домов.

Как говорили революционеры прежних времен: «Наше дело правое, поэтому мы идем налево». Тобиас, хотя и был вроде бы левых убеждений, выбрал для посещения крайний по улице дом, стоящий с правой стороны. Впустила его немолодая

хозяйка, ничего не спрашивала, все было и так понятно. «Сынок, это тебе сьогод- ни уже в деревне шукали». Потом дала поесть, нашла какую-то залатанную, но чистую рубаху, старые, наверное, еще с царских времен, яловые сапоги, тряпок на портянки.

Его, оказывается, искали с собаками, но спасло то, что он все время уходил по каналам, местность была болотистая и собаки след не взяли.

Тобиас поблагодарил хозяйку и пошел по сельской улице, прижимаясь к домам, к центру села. Он не знал, какой был день и число, но, видимо, день выдался особый, может какой- то праздник, потому что от одного из дворов доносились звуки гармошки. Тобиас зашел во двор, там собралось до десятка парней и девчат. Увидев его, они смолкли, затем от группы отделились парень и девушка, быстро завели в дальний сарай, спрятали. Потом девушка принесла немного хлеба и молока, а парень — брюки, рубаху и соломенную шляпу.

Когда Тобиас поел, переоделся и вышел к ребятам, все хором засмеялись. Парень, который поделился одеждой, со смехом сказал: «Слухай, та ты ж чистай беларус. Русый волос, голубые глаза, жалко тольки, што по нашему говорить не умеешь». Дали на прощание льняную сумку и деревянные вилы, в Белоруссии это один из самых ходовых инструментов, и сказали: «Иди подалее от этих мест, тут тебе жизни не будя, да и нам тожа. Надо тебе партизанов шукать».

И Тобиас пошел. У края села ему стало плохо. Переел наверное, да и события последних дней давали о себе знать. На скамейке у предпоследнего дома сидели две женщины. Тобиас подошел к ним, хотел присесть, но повернувшись лицом к другой стороне улицы, увидел стоящего у калитки пацана, который несколько дней назад сдал его немцам в туалете лесопильного завода. Пацан его тоже узнал и тут же стремительно бросился бежать куда-то по улице. Тобиас все понял и быстро пошел в противоположную сторону на выход из деревни. В

нескольких сотнях метров дорога выходила на железнодорожный переезд. Рядом стояла обычная дежурная железнодорожная будка, с окнами на все четыре стороны. В ней находились две женщины, наверное, дежурные. Не вступая с ними в разговоры, Тобиас обошел будку. Со стороны железнодорожного пути на ее фронто́не была небольшая дверца с двумя вырезанными в досках отверстиями. Он быстро влез на чердак и лег на потолок за дымоходом. Отдышался, затих и заснул.

Через несколько часов проснулся от криков и лая собак. Большая группа солдат прочесывала деревню и прилегающую к ней местность. Голоса и лай приближались к будке. «Ну теперь держись, Тобиас, наверное пришел конец твоим мучениям», — подумал он.

Судя по голосам, двое солдат подошли к будке. Разговаривали по-чешски. Один из них выфутался, потом кто-то из них или каждый по разу выютрелили в дверь на фронто́не будки, просто так для порядка, постояли еще минут пять и ушли.

Слава Богу, что лестницы рядом не бышо, да и того сукина сыша, Старостина сынка тоже. Он бы точно влез наверх и опять бы сдал Тобиаса. Но даже бомба два раза в одно место не падает.

Тобиас лежал, слезы лились у него по щекам ручьем, но он не плакал, он радовался, а слезы текли сами по себе.

Через некоторое время мимо будки с грохотом пронесся состав. Паровозный гудок, запах пара и угольного дыма, обдавшего будку, был для Тобиаса сладким запахом воли, звуком свободы. Ему еще больше захотелось жить и что-то сделать хорошего для людей и всего живого. Поезд, несущийся со скоростью по стальному пути, как бы олицетворял его мечты и подтверждал его право на все это.

Ночью пришли дежурить двое стариков, а утром их сменили вчерашние женщины. Тобиас спустился с чердака и зашел в будку. Женщины в испуге перекрестились, но потом покормили и сказали, что ему надо пробираться в село Николаевичи. Там не только начинаются настоящие

леса, там, по слухам, хозяйничают уже не немцы:, а партизаны:, а ему здесь оставаться никак нельзя.

Что было интересным для Тобиаса — это другое отношение людей к таким, как он. Белорусы: были гораздо добрее и человечнее, чем все те, с кем ему приходилось встречаться раньше, конечно, среди местного населения. Хотя немаловажное значение имел и его новый внешний облик. Он снаружи стал типичным белорусом, а это уже совсем другое дело. Осталось только языку подучиться, да партизан найти.

Женщины показали ему куда идти, где будет более безопаснее. Тобиас пошел по какой-то полевой дороге в сторону от железнодорожного пути. Через некоторое время его догнала подвода, на которой лежало сено, прижатое березовой жердью, мужик лет пятидесяти правил лошадьми. Рядом сидел маленький мальчик. Поздоровались, Тобиас уже кое-что знал по-белорусски. На вопрос мужика, откуда идешь, ответил: «Из Днепропетровска, в плену был». «А документы

есть?» «Нет». «Тоды бежи за повозкой, будешь вроде как с нами, бо скоро река Птичь, мост чераз ние охраняють. Хотя воны и чехи, да мало ли чего может быть», — сказал мужик, и подвода двинулась дальше по дороге. Тобиас трусцой бежал за подводой, держась за свисающий сзади конец березовой палки. Таким образом, они без особых проблем въехали в село. Тобиас поблагодарил ездового, а тот показал кнутом в сторону одного из домов и сказал: «Зайди сюды. Здеся кузнец, старик с жонкой живеть. У них сына недавно немцы убили».

Мужик поехал дальше, Тобиас зашел в указанный дом. Там было несколько человек, в основном, женщины. Увидев вошедшего молодого незнакомого парня, они начали креститься, обступили его, ощупывали, не веря своим глазам. Затем начали плакать и причитать. Одна из них, наверное хозяйка дома, у которой сына убили, бросилась Тобиасу на шею и запричитала: «Господи, может это ты мне сына послал, спасибо тебе! Сынок, можа останешься в нас, за сына будешь? Нам же жить с дедом как-то нада». Тобиас вежливо сказал: « Мне надо партизан, а то меня убьют».

Женщины накормили его и одна из них огородами провела его на край села, показала куда и как идти дальше, если он думает найти партизан.

Пошел уже по лесной дороге, показалась очередная деревня. Малые белорусские деревни, но люди в них жили замечательные. Тобиас зашел в первый попавшийся дом. Старик со старухой напоили его вкусным пенистым напитком, настоящим на каких-то ягодах, расспросили, что и как, откуда он и что делает в этих местах. По виду хоть и свой, а все же...

Тобиас прямо им сказал: «Я партизан ищущу, хочу стать партизан, другой дорога нет». Наверное, хозяева ему поверили и сказали: «Мы тебе, добрый человек, сейчас что-то покажем». В Белоруссии в каждом доме есть подвал или подпол, а картофель и корнеплоды хранят во дворе, в ямах или кагатах. Когда они повели его на огород, из одной ямы вышел молодой парень в советской форме с петлицами младшего лейтенанта. Это был их сын, выбравшийся из окружения и тоже собирающийся отправляться в лес к партизанам. Познакомившись с Тобиасом, парень сказал: «Иди на Михайловичи,

там тебе скажут, куда идти дальше. А сейчас иди в сторону речки».

Действительно, через одно село, на берегу реки деревня — Михайловичи. Надо было перейти речку. Из леса как раз несколько мальчишек выгнали небольшое стадо коров. Тобиас пристроился, вернее, затерялся между животными и вместе с ними перешел речку вброд. Она была неглубокая, с мягким илистым дном.

Через небольшой лесок — деревня. Новые дома, в один ряд, все деревянные. Тобиас зашел в одну хату и обомлел. Прямо в передней комнате за столом сидел чешский солдат, что-то кушал. Винтовка стояла рядом. Солдат посмотрел на Тобиаса, что-то хотел сказать, но тут появилась из другой комнаты хозяйка и сразу обратилась к вошедшему: «Сынок, у меня еды больше нет, иди, если хочешь, к соседке».

Упрашивать Тобиаса долго не пришлось. Он выскочил из дома и быстро пошел вдоль по улице. А улица была, как и во многих белорусских селах,

одна. На подходе к очевидному центру Тобиас увидел еще более невеселую для себя картину. Посреди улицы, на сложенных бревнах сидело довольно много людей, а перед ними стоял и что-то говорил чешский солдат. «Ну вот и все, — подумал Тобиас, — сзади чехи, спереди чехи, людей полно, наверное, мой «отпуск» навсегда закончился».

Выбирать было не из чего, и он буквально бегом понесся мимо собравшихся людей. Боковым зрением он увидел, что на солдате чешский солдатский френч и фуражка, а брюки были черные и заправлены в сапоги. Разбираться в форме одежды не было времени, Тобиас, собрав все свои силы, бросился к выходу из деревни. Он заметил, что солдат бросился за ним, и это еще больше подхлестнуло его. Кроме жизни ему терять было нечего. А она со временем становилась ему все дороже.

Забежав за бугор, Тобиас залег в заросший бурьяном кювет и затаился. Чех пронесся мимо, он потерял несколько минут на старте, потому слегка

отстал. Минут через десять он, тяжело дыша, пошел обратно в деревню. Когда солдат приблизился к месту, где прятался Тобиас, тот увидел на головном уборе чеха вместо форменной кокарды красную ленту партизана. Тобиас выкатился из кювета на дорогу, сел и заплакал. Затем они вместе пошли в село.

Тобиас плакал и говорил: «Возьмите меня с собой, я от вас больше не уйду, поймают теперь, точно убьют». Подошел второй чех, тот, которого Тобиас увидел в доме. «Ты прости, парень, но мы не можем взять тебя с собой, не имеем права. Мы идем на операцию», — сказали чехи-партизаны.

Тобиас подумал, что они врачи, раз идут на операцию, но у них были другие дела.

Чехи оставили Тобиаса у одного старика, который в Первую мировую был в плену у немцев и сносно говорил по-немецки. Два дня Тобиас пожил у него, но больше он ждать не мог. Близкая возможность свободы и одновременно близкая возможность вернуться в лагерь не давали ему

успокаиваться, а двигали вперед. И он пошел дальше. Километра через два начиналось село Куритичи, большое, длинное, но до него Тобиас не дошел, сил не хватило. Он упал на окраине села и лежал рядом с дорогой, просто обессиленный от всего на него навалившегося.

Его нашли загонявшие коров женщины. «Сынок, — сказали они, — шо ж ты тут лежишь, споймають тебе, у нас же в деревне полно полицаев».

Под вечер привели его в какой-то дом в середине села. Хозяин — мужик-плотник.

Позже Тобиас поймет, что наверняка все сельские мужики-белорусы — плотники и столяры, мастера на все руки по дереву. Они и мебель, и окна-двери, да и весь дом могут сами построить.

Когда он зашел в дом того старика-плотника, там кроме хозяина находилась старая мать и три молодые девушки-дочери, одна вообще еще подросток.

Встретили опять приветливо, как своего. Приглашали остаться у них, к нам мол приходят

партизаны, пережди немного времени, но Тобиас уже не мог ждать на месте, и через пару дней, поблагодарив хозяев, ушел дальше, в глубь лесов. Прошел через деревни Млынок, Стабрю- ки, Клясово, Тарасевичи. Куда бы он не заходил, везде его принимали, кормили, лечили, что-то советовали и обязательно предлагали остаться, дожидаться партизан у них. Тобиасу было не в состоянии ждать и он, хотя и с сожалением, каждый раз расставался с этими красивыми, открытыми и добрыми людьми, которые считали его, в принципе чужого им человека, своим, причем, сразу и без всяких условий. Отдавали ему, может быть, последний кусок хлеба или какую-то тряпку как своему родному.

Наконец Тобиас дошел до большой солидной деревни Бобрик с хорошими домами. На краю села, когда он сел отдохнуть на скамейку, к нему подошли три человека в советской военной форме, официально обратились к нему на вы: «Кто Вы такой?» и повели его в какой-то дом. Там посадили

его на табурет, сами сели с трех сторон и попросили рассказать о себе. Тобиас добросовестно рассказал на разных языках про свою, пока короткую, но насыщенную всякими неприятностями жизнь. Военные внимательно его выслушали, задавали наводящие вопросы, потом один из них, возможно старший, сказал: «У вас многое не увязывается. Называете себя евреем, а языка еврейского не знаете, волосы у вас русые, глаза голубые, да к тому же по-немецки и французски говорите свободно. Кто же Вы такой на самом деле, может провокатор или лазутчик какой? Зачем Вам так нужно попасть к партизанам?»

Говорил старший по-немецки. Тобиас сказал: «Я не знаю, что мне еще сказать и как доказать, что я не шпион, делайте со мной, что хотите, только не оставляйте меня немцам».

Потом вызвали еще двух человек, как оказалось позже, бывших милиционеров и те повели Тобиаса в лес. Оба они были не местные и очень разные по характеру. Один, нормальный вроде бы парень,

второй — классический довоенный милиционер с должностной придурью. Уже на входе в зону отряда он сказал первому сопровождающему: «А давай проверим его. Он говорит, что даже стрелять не умеет. Сейчас посмотрим». Он вложил в руки Тобиаса винтовку, сам за него прицелился сбоку и сам же выстрелил. Попал в дерево. «Видишь, — закричал он, — а говорит — стрелять не умеет. Шпион он, это точно». На выстрел сбежались партизаны. Выяснили, кто и зачем стрелял. Они видимо хорошо знали того «бдительного» милиционера-партизана, поэтому предупредили его, чтобы не играл в дурацкие игры и не трогал парня. Раз поручили тебе привести его в отряд, значит, веди и не выделяйся. Буквально через четверть часа Тобиас был в партизанском лагере. Наконец свершилось!

